

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ ПЕЧЕНИ. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

В. Ушинскене

Данная статья продолжает ряд публикаций автора, посвященных русским названиям внутренних органов человека и животных [Ушинскене, 1990, 1991, 1993]. Исследование проводится на материале диалектных, исторических и толковых словарей русского языка с учетом славянского фона и направлено на выявление основных принципов номинации, а также – установление степени древности изучаемой лексической группы.

Печень – самая крупная железа у животных и человека, участвующая в процессах пищеварения, обмена веществ, кровообращения. Медики называют ее „депо крови“: сосуды печени человека способны задерживать ок. 20% всей крови организма. В этом органе синтезируется желчь – горький секрет темно-зеленого цвета, необходимый для пищеварения и обмена веществ.

Не зная настоящего назначения этого органа, древние тем не менее отводили печени важную роль, считая ее источником снов, любви, а также вместилищем гнева, злости. Долгое время считалось, что причиной раздражительности является избыточное выделение печенью желчи. Эти представления получили отражение в семантике ряда терминов медицины и психологии, ср., напр., *холерик* из лат. cholericus < греч. χολή 'желчь'; *меланхолия* < греч. μέλας, род. μέλανος 'черный' + χολή 'желчь' (ср. также рус. *желчный человек*). Образ печени как источника гнева, раздражительности фигурирует и в славянской фразеологии, напр., в польских идиомах *Coś leży komuś na wątrobie*; *Mieć coś na wątrobie* 'нервничать, злиться' (дословно "иметь что-л. на

печени“). [Warsz. III, 845], а также в рус. Говорить *печенкой* ‘сердиться’ (ср. диал. *печѣниться* ‘сердиться’, ‘ворчать’) [Даль III, 109].

Печень животных издавна считалась лакомым блюдом, что подтверждается существованием специальных кулинарных наименований. На Руси особым деликатесом почиталась печень крупной рыбы – щуки, налима, сига, осетра; ее жарили, солили, добавляли в качестве приправ. Рецепты и описание соответствующих блюд содержатся во „Флориновой экономии“, „Артикуле поварня“, в „Росписях царским кушаньям“ и др. памятниках.

В ходе изучения диалектного и исторического материала удалось выявить около 20 обозначений печени. Большую часть составляют наименования локального распространения. Заимствований немного, причем все они из кулинарной сферы и обозначают печень рыб.

Исследуемый материал располагается по хронологическому принципу: сначала рассматриваются древние термины с индоевропейскими истоками, затем образования праславянской эпохи, восточнославянские и собственно русские новообразования.

ЯТРО. УТРЬНИК

В др.-рус. и рус.-цслав. памятниках в значении ‘печень’ фиксируется слово *ятро*, *ятра* мн. ч.: Сь же рече: цѣлиши ми *ятра*... (ѣпар) [Гр. Наз, XI в. – Срезневский III, 1673]. В ряде памятников это слово отмечено как обозначение внутренностей (утробы), почек, мошонки [там же]. В русских говорах *ятро* ‘печень’ известно на территории Карелии [Карт. СРНГ]. Это древнее славянское название печени ср. болг. *ятро* ‘печень’, с.-хорв. *jѣтра* то же, чеш. *jatra* мн. ч., польск. *jętry* то же < праслав. *ętro-/*otro – ‘внутренности’, ‘печень’ < и.-е. *entro-m ‘внутреннее’, ‘внутренности’ [ЭССЯ, 6, 72].

В словаре Даля [IV, 522] с пометой „стар.“ приводится слово *утрьник* ‘печень’, также восходящее к праславянской основе *ętro-/*otro.

ЯДРО

В некоторых рус.-цслав. памятниках в качестве названия печени употреблено слово *ядро* <*ędro [Гр. Наз. XI в. – Срезневский III, 1640–

1641], известное также в значениях 'лоно', 'утроба', 'мошонка', 'яички'. Славянские соответствия рус. *ядро* характеризуется еще более широким кругом значений, общим элементом которых является признак набухания, полноты: *sinus* (ст.-слав. *ядро*), 'парус', 'мотня сети', 'выпуклость' (с.-хорв. *jědro*, словен. *jádro*, польск. *jadro*) и т. п. [ЭССЯ, 6, 43]. В некоторых славянских языках данная основа развивает анатомическое значение: с.-хорв. *jadra*, ж. р. 'влагалище', словен. *jádro* 'отвислая часть тела, пузо', ст.-чеш. *padra* 'внутренности' [ЭССЯ, 6, 43].

Наиболее вероятно объяснение слав. **ědro* из и.-е. **oǵd*-го 'набухать, пухнуть' (ср. исходную семантическую базу лексем *брюхо*, *пузо*) [Ушинскене, 1991]; архаическую семантику сохраняет производное от русск. *ядро* диал. *ядринка* 'нарыв, чирей' [твер. – Даль, IV, 673]. В индоевропейских языках слав. **ědro* соответствуют греч. *οἰδᾶω* 'набухать', арм. *ait* 'щека', *aitnum* 'опухаю', герм. **aitra* – 'гнойная опухоль, нарыв' [ЭССЯ, 6, 44; Sławski I, 185]. Анатомические значения 'внутренности', 'печень' представляют семантическую инновацию славянских языков.

КСЕНЫ

Это слово, отмеченное в приморских районах и в бассейнах крупных рек, функционирует как термин рыбного промысла: арх. *ксень* и *ксеньё* 'рыбья потроха', обск. *ксени* мн. ч. 'внутренности осетра, идущие на приготовление жира' [СРНГ, 15, 372]. В ряде говоров данное слово служит обозначением рыбьей печени (алт., олон.). В некоторых диалектах отмечены формы с протетическими гласными – *иксень*, *яксень* [томск. – СРНГ 12, 183; Карт. СРНГ] (ср. пск. *истог* из *стог*), а также – *кисень* с долгой ступенью вокализма [томск. – СРНГ, 13, 228].

В памятниках письменности слово *ксень* засвидетельствовано только в двух значениях – 'рыбья (щулья) печень' и 'молоки крупных рыб' [Дм. XVI в. СлРЯ XI–XVII вв., 8, 100]. Словарями современного литературного языка это слово не фиксируется.

Славянские соответствия рус. *ксень*, как правило, служат обозначением желудка: ср. блр. диал. *ксень* 'желудок у щуки', чеш. *ksenek*

'желудок (особенно у некоторых рыб)', полаб. t'ësin 'желудок', ст.-польск. ksieniec 'желудок некоторых рыб', словин. kséń 'желудок'. Значение 'внутренности рыб' отмечается лишь для польск. ksieniec и словин. ksíń pl. tant. С другой семантикой – 'чешуя и прочие отходы у рыбы' – отмечено словин. kséńe ср. р. [ЭССЯ, 13, 245]. Распространение данного слова ограничено севернославянской территорией, в южнославянских языках оно не фиксируется.

Слав. *късень, сближаемое с *kysati 'киснуть', рассматривается как производное с суф. -еп- и возводится к и.-е. *kūt-s- 'кислый, портящийся' [ЭССЯ, 13, 246]. Эта же основа в другом славянском анатомическом термине – *куьька 'кишка' Исходя из семантики индоевропейской основы, наиболее древним значением слав. *късень следует признать 'отходы у рыбы', откуда могло произойти значение 'несъедобные внутренности (рыбы)' и далее – 'внутренности' с последующей конкретизацией – 'желудок', 'печень' и т. п.

ОСЕРДЬЕ

В отдельных говорах как обозначение печени отмечается слово *осёрдые* (перм.), для которого более характерно значение 'ливер, потроха' [СРНГ, 23, 371].

Более древнюю семантику сохраняет арх. *осёрдые* 'сердцевина чего-л.' [СРНГ, 23, 371], ср. укр. *осердок* то же [Гринченко, III, 66]. В значении 'потроха' по говорам отмечены словообразовательные варианты: *осёрые* с утратой корневого -д- [олон., арх. – СРНГ 23, 374]; *осёрек* и *осёрдинка* с суф. -ек и -ин [Новосиб., 358, 359]; бессуффиксальное *осёрды* мн. ч. [яроsl. – СРНГ, 23, 372].

Русскому слову соответствует польск. osierdzie с еще более широким кругом значений. В старопольских памятниках XV в. это слово отмечено с семантикой 'печень', 'орган, расположенный в области сердца', а также – 'гнев, злость' [Sł. stp. V, 649]. В современном польском языке osierdzie является анатомическим термином, обозначающим околосердечную сумку, но в диалектах, по данным Варшавского словаря [III, 845], оно имеет значение 'легкие, сердце и печень коровы', что соответствует семантике русского слова. В чешском языке лексема osrdí 'околосердечная сумка' выступает как анатомический термин.

Данное слово имеет прозрачную внутреннюю форму, являясь префиксально-суффиксальным производным на -ъj(e) от основы *serd-* < *serd-/*sɛrd- 'середина, сердце'. В русском языке по той же морфологической модели образован ряд старых существительных, общее значение которых определяется как 'то, что находится в области данной части тела': *оплечь, оголовье, ощечь* и т. п. Соответственно, исходным значением лексемы *осердые* может, быть 'то, что находится в середине, в области сердца'. Дальнейшее развитие происходило в направлении конкретизации: 'внутренности в области сердца (ливер)', 'печень'.

ПЕЧЕНЬ

Слово *печень* функционирует в современном языке как собственно анатомический термин для обозначения пищеварительной железы, вырабатывающей желчь. Деминутивная форма *печенка* характеризуется двумя значениями – „анатомическим“ и „кулинарным“ (с пометой „прост.“), в форме мн. ч. используется в фразеологизме *Сидеть в печенках у кого-л.* 'о чем-л., ком-л. надоевшем' [БАС, 9, 1146].

Изучение исторического материала показывает, что в наиболее древних источниках в значении *hepa* обычно употребляется термин *яτρο*. Слово *печень* фиксируется в памятниках, начиная с XV в.: Обѣ почки и лои... и печень Атрении, с истесемь да отиметсА (τὸν λάβων τὸν ἐπὶ τοῦ ἥπατος) [Лев. VII по сп. XV в. – Срезневский, II, 927]. В данном отрывке в значении *hepa*, строго говоря, выступает словосочетание *печень Атрении*. Можно предположить, что необходимость определения *Атрении* диктовалась неоднозначностью слова *печень* в языке того времени. В словаре Срезневского [II, 927] отмечено употребление этого слова в форме мн. ч.: Члвкъ есмь боленъ, ниа с ними могу повѣстити, а провали мь оуже и на *печенехъ* (Ип. л. 6795 г.). Определить значение лексемы *печень* в этом случае Срезневский затрудняется. Вероятно, выражение *провали на печенехъ* в данном контексте приобретает связанно-фразеологическое значение 'донять, надоесть', подобно известной идиоме *сидеть в печенках* (ср. также польск. *Leżeć na wątrobie*).

Как анатомические названия формы *печень* и *печенка* широко используются в памятниках XVI–XVIII вв.: ср. ...въ нижнем животѣ лежить *печенка* и желудок съ кишками (Флор. Эк. 317); Воин Яропола... селъ ему на груди и возделъ сердце и *печень* [Яропол., XVIII в. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.]. В лечебниках и травниках этого периода часто встречаются прилагательные *печенный* и *печеночный* ‘принадлежащий печени’: ср. кипение кровавое *печенное*; жила *печеночная* [Леч. V, XVI–XVII вв. и др. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.]. В качестве кулинарного термина в ряде памятников XVI–XVII вв. отмечается лексема *печенець*, мн. *печенцы* с суф. -ец-: ср. *печенцы* курАчи [Дм. XVI–XVII вв. – Карт. СлРЯ XI–XVII вв.]. В лексиконах и словарях XVIII в. эта форма не зафиксирована. Даль [III, 109] приводит слово *печенець* с пометой „стар.“.

В диалектах слова *печень*, *печенка* отмечаются в нескольких значениях. Как названия соответствующего органа употребляется форма не только единственного, но и множественного числа в разных фонетических вариантах: ср. брян. *печонки*, *печэнье*, пенз. *п'еч'ни*, урал. *печ'ни*, *печы* [Карт. СРНГ]. В некоторых говорах этим словом называют разные печеные кушанья: *печенка* ‘печеная репа’ (пск., новг., арх.), ‘печеная рыба’ (вят.), ‘печеный картофель’ (новосиб.); *печень* ‘мучное печеное изделие’ [Даль, III, 109; Карт. СРНГ]. Широко отмечено еще одно характерное значение – ‘запекшаяся кровь, стусок крови’ [там же]. В ряде поздних памятниках, а также в СлАкРосс [4, 1064] с этой семантикой фиксируется производное с суф. -я- *печенье*: Дочь моя... ударилась в мою спину и крови *печенье* из горла рыгнуло... [Авв. ж., XVII в. – Карт. СлРЯ XVI–XVII вв.].

Славянские соответствия характеризуются двумя значениями: ‘печень’ (укр. *печінка*, блр. *печань*, *пачбнка*, слов. *rešienka*, *rešep* польск. диал. *pieczonka* (и ‘жаркое’) польск. *pieczeń*, чеш. *rešepka* [Фасмер, III, 255]. В южнославянских языках это слово не отмечено. Форма **реšель* представляет собой производное с суф. -я- от страдательного причастия **реšепь* ‘печеный, жареный’. Вероятно, первоначально это название функционировало в кулинарной сфере. Параллельное развитие семантики наблюдается в лит. *kėpenys* мн. ч. ‘печень’ < *kerpi* ‘жарить’ [Фасмер, III, 255], ср. лит. *kepšlys* ‘жаркое’. В качестве другой семантической параллели можно привести кашуб. *rowarka* ‘почка’, производное от глагола *варить*.

ЗОЛОЗА

Отмеченное в Карелии слово *золóзи* 'печень у рыбы' [СРНГ, 11, 328], вероятно, представляет собой фонетический вариант общерусского *железа*. Эта форма, явившаяся результатом ассимиляции согласных, выступает в других говорах в значении 'желчный пузырь у рыбы' (арх.), а также в своем основном значении, ср. *залоза* и *золоза* 'железа, опухоль' [пск., смол., брян., арх., север., якут. – СРНГ, 10, 217; 11, 328]. Преобразование *ж-* в *з-* наблюдается также в диал. *зелезо* 'железо' [пск., петерб., новг., твер., влад., костр., ряз., калуж. и др. – СРНГ, 11, 245].

Основная форма *железа* отмечается в др.-рус. и рус.-цслав. памятниках с семантикой *glandula*, 'жила', 'опухоль' [Златоустр., XII в.; Псков. 1 л., 6868 г.; Ник. лет., 1406 г. – Срезневский, 1, 849; СлРЯ XI–XVII вв., 5, 81]. В современном литературном языке это слово выполняет функцию анатомического термина с закрепленным за ним значением 'орган, выделяющий необходимые для организма вещества или выводящий из организма вредные вещества' [БАС, 4, 56].

Славянские соответствия – болг. *жлезá*, с.-хорв. *жлијéзда*, словен. *žléza* чеш. *žlaza*, польск. *zólza*, укр. *залóза*, блр. *залóзи* и др. – имеют значение *glandula*. Слав. **želza* родственно лит. *gėležuonis*, *gėležiūnės* мн. ч. 'железы' и арм. *gej* -*k*' то же, являясь, таким образом, анатомическим термином с индоевропейскими истоками. О. Н. Гурбачев предполагает этимологическую тождественность слав. **želza* 'железа' и **zelezo* < **zelzo* 'железо', опираясь на литовские соответствия – *gėležis*, *gelžis* 'железо' и *gėležuonis* 'железа' [Трубачев, 1957, 32]. При таком подходе внутреннюю форму слав. **želza* можно определить как 'нечто твердое, крепкое'. В основе диал. *залоза* 'печень' и 'желчный пузырь', по всей видимости, лежит сравнение с опухшей, увеличенной железой, т. е. признак набухания, выпуклости.

ЖЕЛЬЦО

Слово *жельцо* фиксируется в новгородских говорах в значении 'желчь или печень': Убей ты его, достань ты у него *жельца* [СРНГ, 9, 121]. по всей очевидности, данное наименование представляет собой

словообразовательный вариант общерусского *желчь* < праслав. **зьсь* 'желчь' (др.-рус. *зьльч*, ст.-слав. *зьльчъ*, болг. *жьльч* и др.), этимологически связанного с *зеленый* [Фасмер, II, 45]. Значение 'печень' сложилось в результате метонимического переноса названия с субстанции на орган ее выделяющий. Большую сложность представляет объяснение структуры новг. *желцо*. На наш взгляд, возможны две интерпретации. Во-первых, учитывая „цоканье“ новгородских говоров, можно предполагать, изменение конечного -ч- в -ц- с последующим оформлением по типу деминутивов на -це/-цо (ср. *сельцо*, *тельце* с мягким -л'-). Во-вторых, нельзя исключать возможность архаического образования, восходящего к **зьько* 'зеленый, зелье', ср. диал. *зель* 'молодые озимые', *зелко* 'зельице, лекарство' [Даль, I, 676].

КРОВЕНИК

Это название печени отмечено в тверских говорах [Даль, II, 196; СРНГ, 15, 267]. В словаре Даля *кровеник* приводится также в значениях 'кروавый веред, чирей, боляток', во мн. ч. – 'кровоные колбасы' (без локальных помет). Это слово имеет прозрачную семантическую и морфологическую структуру и соотносится с прилагательными *кровеной* 'к крови относящийся', *кровяной* 'из крови, с кровью': *кровеные* сосуды, *кровяное* пятно [Даль, там же]. Образовано от основы прилагательного с помощью суф. -ик-, обычно привносящего значение 'носитель признака' (ср. *утриник* 'внутренности'). Таким образом, исходную семантику *кровеник* 'печень' можно определить как 'кровоной орган', что вполне оправдано, поскольку весь этот орган как бы пропитан кровью.

СИНЯК

Другим внешним признаком – цветом – мотивировано еще одно региональное название *синяк* 'печень, воловь печенька' [оренб. – Даль, IV, 187]. Как известно, обычное значение этого слова 'кровоподтек, синее пятно на теле'. Слово образовано от прилагательного *синий* с суф. -як-. Как название печени отражает особенность цвета этого органа (ср. *синоха* 'кишка').

ПСЕНЬ

Не поддается однозначной интерпретации волог. *псень*, род. *псня* 'рыбья печень', 'печень у скотины и рыбы' [Карт. СРНГ]. Форма слова позволяет рассматривать его как отглагольное образование м. р. на -снь (ср. *плетень*, *цветень*) от диал. *псить* 'вонять псиной', *псеть* 'постепенно делаться вонючим' [Даль, III, 105]. В таком случае исходную семантику *псень* можно было бы определить как 'воняющие, протухшие потроха, печень'. Аналогичные семантические отношения лежат в основе другого названия печени – *ксень* < **ксьень*, внутренняя форма которого определяется как 'прокисшие, протухшие внутренности' (ср. выше). Нельзя не заметить, что между словами *псень* и *ксень* наблюдается также внешнее подобие. Известно, что в говорах заднеязычные *г* и *к* подвержены ассимиляционному преобразованиям. В связи с этим напрашивается мысль о возможности вторичного преобразования в слове *псень* начального *к*- и *п*- в результате продвижения в более переднюю зону артикуляции (под влиянием -с-), т. е. *псень* < *ксень*. Как было показано выше, последнее широко распространено в северных и сибирских говорах.

РОЖНЫ

Слово *рожны* выступает как кулинарное наименование, обозначающая части печени, испеченные на деревянных рожнях (палочках) [волог. – Карт. СРНГ]. Очевидно, что здесь мы имеем дело с метонимическим переносом названия по способу приготовления.

Займствованные названия печени – финно-угорского происхождения. Широким распространением характеризуется слово *макса* 'печень налима или трески, рыбья потроха' [БАС, 6, 517; СРНГ, 17, 314] из фин. *макса* 'печень' [Фасмер II, 562]. В диалектах известны уменьшительные образования: *макэска* 'печень некрупной белуги' [помор. – СРНГ, 17, 309], *максюшка* 'рыбья печень, молоки' [Приамур., 150]. В олонецких говорах отмечено слово *майка* 'печень рыбы', вероятно, тоже заимствованное из финского: ср. фин. *maiti* 'молоки',

māti 'рыбья икра'. Еще одно название – *вѣкса, вѣикса, вою́кса* 'печень рыбы, морского животного, имеющего промысловое значение как сырье для вытапливания жира' восходит к саам. *vuoija* 'жир', *vuoiuos* 'печень' [СРНГ, 5, 169; 4, 354].

Таким образом, русские названия печени представлены в основном исконными словами. Наиболее древние термины – *ятро* и *утрьник* – являют собой продолжения праславянской основы **otro-/*ętro-*, имеющей и.-е. истоки. Значение 'печень' данная основа развивает на славянской почве. Древнее *ксень* <**kъsenь* 'внутренности (рыбы)' с семантикой 'печень' фиксируется только в русском языке. Слово *печень* < **рещень* как анатомический термин представляет семантическую инновацию восточно- и западнославянских языков. Поздним образованием является термин *осердьє*, образующий русско-польскую изоглоссу.

Названия печени имеют следующую исходную семантическую базу:
'внутренности' > 'печень' (*ятро, утрьник, ксень*);
'то, что находится в области сердца' > 'печень' (*осердьє*);
'набухшее, выпуклое' > 'печень' (*ядро, золоза*);
'печеное, жареное' > 'печень' (*печень*).

Интересны локальные наименования, содержащие в себе указания на физиологические субстанции, связанные с печенью, т. е. на желчь и кровь: таковы слова *жельцо* и *кровеник*. Наконец, диал. *синяк* мотивировано внешним признаком – особенностью цвета.

KEPENŲ PAVADINIMAI RUSŲ KALBOJE. ŽODŲIŲ DARYBOS IR SEMANTIKOS REKONSTRUKCIJA

V. Ušinskienė

Reziumė

Straipsnyje bandoma semantinių ir žodžių darybos aspektu rekonstruoti anatominių terminų, naudojamų rusų kalboje kepenims pavadinti, grupę.

Iš analizės duomenų matyti, kad ši leksikos grupė formavosi praslavų kalbos dialektų vystymosi ir savarankiškų slavų kalbų formavimosi laikotarpiu. Seniausi terminai yra kilę iš praslaviškų kaminų **ǵtro-*/**ǵtro-*, **kasens*. Rusiškas žodis **pečень* kaip anatininis terminas yra semantinė rytų ir vakarų slavų kalbų inovacija. Vėlai susiformavęs terminas **osǵdъje* sudaro rusų ir lenkų kalbų izoglosę.

Terminų, būdingų tik rusų kalbai, semantika yra antrinė. Daugumą tokių pavadinimų motyvuota išorinių požymių – tam tikro organo formos arba spalvos. Kai kurių žodžių semantikoje esama nuorodų į fiziologines substancijas, susijusias su kepenimis, t. y. tulžį ir kraują. Straipsnyje pateikiami ištirti semantiniai modeliai.

RUSSIAN MANES FOR LIVER. WORD-BUILDING AND SEMANTIC RECONSTRUCTION

V. Ušinskienė

Summary

A group of anatomical terms denoting liver in Russian and its dialects is being analysed in the paper. As the analysis shows this group of terms was formed at the epoch of dialectical development of Proto-Slavonic and at the time of independent formation of Slavonic languages.

The most archaic Russian names for liver continue Proto-Slavonic stems **ǵtro-*/**ǵtro* and **kasens*. The main anatomical term of modern Russian **pečень* is to be regarded as a semantic innovation of eastern and western Slavonic languages. Russian-Polish isogloss is represented by the word **osǵdъje*.

The Russian terms proper such as *жельцо*, *золоса*, *хровеник* and other are of secondary semantic. The established semantic patterns are being presented.

ЛИТЕРАТУРА

БАС –Словарь современного русского литературного языка. Москва, 1948–1965. Т. 1–17.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Москва, 1969–1978.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1907–1909. Т. I–IV.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Москва, 1978–1980. Т. I–IV.

Словарь русских донских говоров. Рост. н/Д., 1975. Т. 1–3.

Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Москва, 1910–1914. Т. I–II.

Словарь русских говоров Приамурья. Москва, 1983.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва, 1978.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1903.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1965–...

Ср. Урал. – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–...

Трубачев О. Н. Славянские этимологии // Вопросы славянского языкознания. Москва, 1957. 2. 1–7.

Ушинскене В. И. Русские названия желудка (принципы номинации) // Kalbotuta. Вильнюс, 1990. 41.

Ушинскене В. И. Словообразовательно-семантический анализ группы анатомических терминов (названия живота в русском языке и его диалектах) // Русский язык: актуальные проблемы диахронии и синхронии. Москва, 1991. Ч. 1.

Ушинскене В. Русские названия почек. Словообразовательная и семантическая реконструкция // Kalbotuta. Вильнюс, 1993. 43.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Москва, 1986–1987. Т. 1–4.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–...

Лексический фонд / Под. ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–...

Słowski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 1952–...

Słowski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod redakcją F. Słowskiego. Wrocław. – Warsz. – Krak. – Gdańsk, 1974–...

Karlłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1953.